

THE PROBLEM OF FORMING A SAMPLE FOR BIOARCHAEOLOGICAL RESEARCH (BASED ON THE RESULTS OF THE STUDY OF PALEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS OF THE LOWER VOLGA REGION)

Mariya A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The problem of studying the ethnogenesis and ethnic history of ancient and medieval peoples appeared immediately after the formation of archaeology as a science. At first, archaeologists tried to identify the bearers of archaeological cultures with specific ethnic groups, and then they began to determine cultural-historical communities and color them ethnically. In the anthropological context, cultural-historical communities exist in the form of paleopopulations or samples. The question of the relationship between the materials of the monument and the sample is legitimate since often the archaeological and anthropological contexts do not coincide. *Methods and materials.* The work is based on a comparison of data from an anthropological sample (paleopopulation) and cultural and chronological definitions of archaeological complexes from where the material originated. For this, both the results of studies published by the author and new data, which were studied by the methods of simple and multivariate statistics, were used. *Analysis and discussion.* Comparative analysis of the Sauromat-Sarmatian materials shows that the series of previous and subsequent cultures often show great similarity, which can be explained not only by the continuity of the population but also by the fact that the chronological groups are members of the same paleopopulation. In addition, there are a number of complexes of the transitional period that are culturally defined by different archaeologists in different ways. Another aspect, which is considered in the article, is connected with the materials of the same burial ground or even a mound-cemetery of the Middle and Late Bronze Age. With the relative synchronism of the burials, a different cultural interpretation (variant, culture) is given, which leads to significant difficulties in the study of anthropological materials, the results of which also allow us to assume that all individuals belong to the same population. *Conclusions.* The problem associated with the procedure of sampling for bioarchaeological research has a long history, and it needs to be solved in the context of the archaeological source being studied. It is necessary to constantly compare the monument data with the results of the sample study, rethink, revise, and test them, and determine how reliable they are and whether they fall into the confidence interval.

Key words: Lower Volga region, Bronze Age, archaeological cultures, Sauromat-Sarmatian time, paleopopulation, craniology, ethnic group, cultural-historical community.

Citation. Balabanova M.A. The Problem of Forming a Sample for Bioarchaeological Research (Based on the Results of the Study of Paleoanthropological Materials of the Lower Volga Region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 23-37. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.2>

**ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ВЫБОРКИ
ДЛЯ БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИЗУЧЕНИЯ
ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
ЭПОХИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Заявленная тема непосредственно связана с проблемой изучения этногенеза и этнической истории древних и средневековых народов, которая появилась сразу же после становления археологии как науки. Сначала археологи пытались идентифицировать носителей археологических культур с конкретными этносами, а затем стали выделять культурно-исторические общности и этнически их окрашивать. В антропологическом контексте культурно-исторические общности существуют в виде палеопопуляций или выборок. Вопрос о соотношении материалов памятника и выборки является правомерным, так как зачастую археологический и антропологический контексты не совпадают. *Материал и методика.* Работа основана на сравнении данных антропологической выборки (палеопопуляции) и культурно-хронологических определений археологических комплексов, откуда происходит материал. Для этого были использованы как результаты опубликованных автором исследований, так и новые данные, которые изучались методами простой и многомерной статистики. *Анализ и обсуждение.* Сравнительный анализ савромато-сарматских материалов показывает, что серии предшествующей и последующей культур часто демонстрируют большое сходство, которое можно объяснять не только преемственностью населения, но и тем, что хронологические группы являются членами одной палеопопуляции. Кроме того, встречается целый ряд комплексов переходного периода, которые разные археологи по-разному культурно определяют. Другой аспект, который рассматривается в статье, связан с материалами одного и того же могильника или даже кургана-кладбища эпохи средней и поздней бронзы. При относительной синхронности погребений дается разная культурная интерпретация (вариант, культура), что приводит к значительным затруднениям при изучении антропологических материалов, результаты которого также позволяют предположить принадлежность всех индивидов к одной популяции. *Выводы.* Проблема, связанная с процедурой формирования выборки для биоархеологического исследования, имеет многолетнюю историю, и решать ее следует в контексте изучаемого археологического источника. Необходимо постоянно сопоставлять данные памятника с результатами исследования выборки, переосмысливать и пересматривать их, тестировать и определять, насколько они надежны и попадают ли они в доверительный интервал.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, эпоха бронзы, археологические культуры, савромато-сарматское время, палеопопуляция, краниология, этнос, культурно-историческая общность.

Цитирование. Балабанова М. А. Проблема формирования выборки для биоархеологического исследования (по результатам изучения палеоантропологических материалов эпохи Нижнего Поволжья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 23–37. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.2>

Введение. Одной из актуальных задач современных археологических исследований остается изучение культур древнего и средневекового населения в той мере, в которой она отразилась в памятниках. Сразу после становления археологии как науки сложилось представление, что каждой культуре должен соответствовать определенный древний этнос. Этническую окраску ученые находили в ве-

щевом комплексе и в элементах погребального обряда. В процессе решения проблемы археологи сначала пытались идентифицировать культуры с этносами, известными по письменным источникам, а впоследствии на основе группировки археологических памятников пытались выделять конкретную культурно-историческую общность (далее – КИО): катакомбная КИО, срубная КИО и др. [3; 14;

15; 17; 20; 22; 25; 30]. В связи с этим как у авторов, так и у их оппонентов не вызывало сомнения существование и разнообразие культурных общностей, между которыми можно провести границы. При этом у каждого археолога была своя точка зрения на соотношение археологической культуры и этнической общности.

С появлением междисциплинарного сотрудничества в археологии в конце XX – начале XXI в. подходы и принципы исследований менялись, но дискуссии не прекращались. Об этом свидетельствует широкая тематика, разрабатываемая различными научными центрами [13; 22–24; 34]. В качестве примера можно привести часть вопросов, которые обсуждались в 2012 г. на круглом столе, проведенном в рамках V региональной (с международным участием) научно-практической конференции в г. Челябинске [38]:

- 1) реальность выделения социумов на основе археологических данных [26];
- 2) проблема изучения этногенеза с междисциплинарным подходом [39];
- 3) этничность в археологии и какова ее реальность [37].

Поднятые выше вопросы имеют непосредственное отношение к антропологии древних и средневековых популяций, так как этнические общности археологических культур представлены в виде антропологических выборок / палеопопуляций. В процессе их анализа решаются проблемы определения морфологического типа и состава, этногенеза и этнической истории. Особую роль антропологических исследований в этногенетических реконструкциях сложно переоценить [1; 39]. В соответствии с этим от принципов комплектации материала будет зависеть адекватный результат исследования, поэтому вопрос о соотношении понятий «археологический памятник» (культура) / «антропологическая выборка» (палеопопуляция) приобретает свою актуальность.

Материал и методика. Для демонстрации сложности вышеобозначенной проблемы использовались как результаты изучения краниологических серий различных культур от эпохи бронзы до раннего железного века, полученные при раскопках (в основном могильников Нижнего Поволжья) и насчитывающие

более 1 500 черепов, так и вновь вводимые автором статьи данные. При компоновке серий совместно с археологами была тщательно проверена культурно-хронологическая принадлежность погребений, откуда происходил материал, включая опубликованный в 50–70-х гг. XX столетия. Большая часть этого материала, особенно многочисленные серии савромато-сарматского времени (VI в. до н. э. – IV в. н. э.), была опубликована в разное время мною [4; 6; 7]. В этих работах содержится информация о результатах исследований внутригрупповой и межгрупповой изменчивости серий, сформированных по различному принципу: серии суммарные и локальные по культурам; серии, полученные из отдельно взятых могильников; группы, сформированные по погребальному обряду и хронологическим периодам внутри культуры и т. д. Кроме того, имеются данные, которые позволяют строить исторические реконструкции этногенетического характера.

Ввиду того что этногенетический аспект антропологического исследования основан на изучении групп по краниологической программе, сам процесс основан на использовании традиционной, общепринятой в отечественной науке методике, которая включает в себя систему признаков и их производные с высоким таксономическим весом [2]. Цифровой материал выборок различного уровня группирования обрабатывался компьютерными программами одномерной и многомерной статистики.

Статистически значимый уровень различия или сходства между хронологическими и культурными группами осуществлялся по *t*-критерию Стьюдента и каноническим методом с последующей обработкой расстояний близости по Махаланобису кластерным анализом и методом многомерного неметрического шкалирования. Теоретические подходы при анализе внутригрупповой и межгрупповой изменчивости антропологических материалов были взяты из работы В.Е. Дерябина [16].

Анализ и обсуждение (размышления по поводу). При формировании антропологической выборки в процессе работы с объектами исследования каждому антропологу придется решать ряд задач, которые зачастую не зависят от него. Обозначим лишь те, которые касаются тематики данной статьи.

1. Проблема хронологических рамок, в которых существовал тот или иной могильник / культура. Эти данные предоставляют археологи, и они не всегда корректны с позиций археологического критерия определения «палеопопуляции» [1, с. 115].

2. Неоднозначность культурных определений разными археологами одних и тех же комплексов.

3. Наличие памятников, сочетающих признаки предшествующей и последующей культур и др.

Со всем этим мне не раз приходилось сталкиваться в процессе антропологических исследований савромато-сарматских популяций. Прежде всего следует обратить внимание на размытость хронологических рамок той или иной археологической культуры, когда нижняя дата одной культуры совпадает с верхней датой другой, а часть комплексов этого времени сочетает признаки обеих культур. Такую позицию археологи объясняют преемственностью населения предшествующей и последующей культурно-хронологических групп. В этом контексте уместно вспомнить К.Ф. Смирнова и других археологов, которые отмечали наличие в курганах-кладбищах, являющихся признаком раннесарматской (прохоровской) культуры, погребений савроматской культуры. Эту ситуацию К.Ф. Смирнов объяснял фактом «живой памяти ранних прохоровцев о своих савроматских предках» [32, с. 157].

Другое объяснение данной ситуации – наличие единой савромато-прохоровской культуры с хронологическими рамками VI–III вв. до н. э. – дают Б.Ф. Железчиков и А.Х. Пшеничнюк [19]. Эту концепцию в последнее время разрабатывает и А.Д. Таиров [33] с поправкой временного диапазона на VI–II вв. до н. э.

Последние результаты археологических изысканий подкрепляются проведенными межгрупповыми сопоставлениями суммарных антропологических серий ранних кочевников савроматского (VI–IV вв. до н. э.) и раннесарматского времени (IV–III вв. до н. э.) [1, с. 58; 6, с. 40, 41]. Во-первых, наблюдается морфологическое сходство трех восточных групп (VI–III вв. до н. э.) (Западный Казахстан, Южное Приуралье и Нижнее Поволжье)

между собой и отличие их от более западной из Нижнего Дона. Во-вторых, результаты сравнения населения савроматского и раннепрохоровского времени (VI–IV вв. до н. э. и IV–III вв. до н. э.) отдельно из могильников Западного Казахстана, Южного Приуралья и Нижнего Поволжья свидетельствуют как об идентичности морфологических типов, так и о том, что они составляют один и тот же племенной союз (популяцию), причем каждый из этих типов обитал на конкретной территории на протяжении нескольких веков, сохраняя свой генофонд, но при этом изменяя культуру.

Особое значение приобретает в хронологии этих культур IV в. до н. э. – дата, завершающая савроматскую и начинающая раннесарматскую культуру. В комплексах этого времени встречаются погребения, демонстрирующие наличие признаков обеих культур, что затрудняет процедуру оформления краинологических серий. От субъективных причин зависит, в какую культурно-хронологическую группу попадет материал из этих комплексов: в более раннюю (савроматскую, VI–IV вв. до н. э.) или в позднюю (раннесарматскую, IV–III вв. до н. э.). Как показали результаты сравнения антропологических материалов, существенные различия между ними не прослеживаются.

При обсуждении данных результатов антропологического исследования возникает проблема их интерпретации. С одной стороны, морфологическое сходство, которое может быть связано с генетическим родством ранних кочевников VI–III вв. до н. э. с различных территорий (Западный Казахстан, Южное Приуралье и Нижнее Поволжье), а с другой – сходство хронологических групп между собой. Резкую границу невозможно выстроить, как показывают примеры из нашей современной жизни. Одни и те же люди, родившиеся в советское время, являются носителями трех, а то и более культур: советской, перестроечной и современной.

В-третьих, отмечается еще один факт – это большее сходство материалов из могильников Западного Казахстана и Южного Приуралья, которое можно объяснить как общими маршрутами перекочевков и связанными с ними этническими процессами в виде перегруппировок и интеграции, так и концепцией о

том, что обе группы входили в один племенной союз, а свои могильники формировали вблизи летних или зимних стойбищ [6, с. 47]. В этом случае сложно определить не только хронологические, но и территориальные границы палеопопуляции.

Определенная культурная и морфологическая близость отмечается и при сравнении групп Нижнего Поволжья так называемого раннепрохоровского и позднепрохоровского времени (IV–III и II–I вв. до н. э.). Культурные новации, выделенные в поздней группе, позволяют предположить приток мигрантов, компонент которых прослеживается и на археологическом материале, и в увеличении доли длинноголовых европеоидов в суммарной серии. Данное распределение хронологической изменчивости можно также объяснить как сохранением основного субстратного компонента, так и включением мигрантов в состав поздней группы, которые могли быть носителями новых культурных традиций [6, с. 41; 8, с. 149, 150; 28, с. 26].

Что касается соотношения раннесарматской (II–I вв. до н. э.) и среднесарматской культур (I – первая половина II в. н. э.), отмечается не только различие в наборах признаков, но и сочетание элементов обеих культур в комплексах отдельных могильников, что также вызывает трудности при культурных определениях [31, с. 318; 36, с. 324; 10; 29].

Результаты анализа как суммарных краудиологических групп, так и групп из отдельно взятых могильников и даже курганов-кладбищ демонстрируют аналогичные тенденции. О сходстве их уже не раз писалось, в том числе и в последних публикациях [5–7]. Материал этого времени рассмотрен с разных ракурсов. В первую очередь отметим сходство, которое наблюдается между сериями раннесарматской и среднесарматской культур из отдельно взятых могильников Заволжья, Волго-Донского и Маныч-Сальского междуречий (могильники: Калиновка, Бережновка, Первомайский, Перегрузное I, Новый и др. [4, с. 111; 10, с. 153]. Если исходить из археологического критерия, то сходство можно объяснить сохранением в среднесарматское время субстратных раннесарматских черт, антропологический же критерий позволяет считать, что все индивиды из погребений в могильнике яв-

лялись членами одной палеопопуляции, тем более что большая часть комплексов датируется в узком хронологическом диапазоне (I в. до н. э. – I в. н. э.).

Еще одним свидетельством вышесказанного являются результаты демографических исследований двух культурно-хронологических групп из курганов-кладбищ. Например, материалы серий раннесарматского и среднесарматского времени могильника Первомайский демонстрируют сходные показатели половозрастной структуры, в отличие от среднесарматских серий из других могильников, которые формировались из материалов индивидуальных насыпей [10, с. 133]. К тому же в могильниках, особенно курганов-кладбищ, где представлены материалы обеих культур, выделяется группа погребений, которую трудно атрибутировать, а сформированные серии отсюда, как из могильников Нижнего Поволжья, так и Нижнего Дона, отличаются от остальной части и тяготеют к тагарско-тесинскому населению Южной Сибири [6, с. 45, 47]. Возможно, данное направление этногенетических связей дает указание на территорию истока волны мигрантов, носителей среднесарматских культурных новаций. Несмотря на специфику этой группы, ее нельзя убрать из общей серии, так как потенциально генетический обмен с другими популяциями не исключается.

Эти идеи нашли отражение в результатах недавно проведенного комплексного археолого-антропологического исследования материалов калиновского могильника, опубликованного В.П. Шиловым еще в 1959 г., с учетом современных археологических разработок [12, с. 9; 17]. В процессе анализа были описаны черты сходства комплексов раннесарматской и среднесарматской культур и морфологических типов населения. Результаты исследования позволили авторам высказать мнение о том, что погребальные комплексы калиновского курганного могильника последних веков до нашей эры и первых веков новой эры оставлены одной и той же популяцией сарматского населения. Изменениям подвергалась только материальная культура.

Что касается проблем соотношения среднесарматской и позднесарматской культур, наблюдается как общая схожесть, особенно на этапе становления позднего культур-

ного комплекса, так и существенные различия. То же самое обнаруживается и при изучении антропологических материалов. Безусловно, можно констатировать факт того, что отдельная часть населения обеих культур характеризуется близкими морфологическими вариантами.

Культурное сходство прежде всего связано с наличием комплексов с диагональным типом захоронения, который является чертой среднесарматской культуры, и обряд этот продолжал практиковаться населением раннего этапа существования позднесарматской культуры. На основе сопоставления краниологических групп двух культур из диагональных комплексов удалось проследить возможные процессы взаимодействия населения [11, с. 56–60]. Первое, на что следует обратить внимание, это присутствие брахикранного компонента в мужском краниотипе «диагональников» среднесарматского и позднесарматского времени, без следов преднамеренной искусственной деформации черепа. Брахикранный компонент «диагональников» позднесарматского времени выбивается из общего контекста, так как все остальные серии, независимо от принципа их оформления, обладают морфологическим типом длинноголовых европеоидов. Данный факт позволяет предположить, что среднесарматское население, практиковавшее диагональный обряд, при формировании позднесарматского населения включается в него как отдельный компонент [11]. Наличие группы «диагональников» позднесарматского времени со следами деформации позволяет предположить восприятие диагонального обряда пришлыми группами длинноголового населения с культурным признаком «искусственно деформированная голова».

По поводу статуса диагональных захоронений авторы также высказали свое видение. Обряд может отражать признак религиозной принадлежности отдельного компонента населения среднесарматского и позднесарматского времени.

Еще один аргумент несоответствия археологической культуры и антропологической выборки демонстрируют материалы могильника Хутор Кузин. Исследования показали, что в серии субстратный раннесарматский пласт, сочетающий тип широкоголовых европеоидов,

не обнаруживается, а наблюдается большое сходство выборок среднесарматского и позднесарматского времени [4, с. 117]. Данный результат сопоставления позволяет предполагать, что осевшие на данной территории среднесарматские мигранты постепенно культурно трансформировались без значительных морфологических изменений в позднесарматское общество. С биологической точки зрения это одна популяция, так как хронологический диапазон погребений укладывается максимум в два века.

Ситуация неоднозначного культурного определения разными учеными одних и тех же комплексов имеет место и при изучении материалов эпохи бронзы. Особенно это характерно для погребений катакомбной культурно-исторической общности. При оформлении черепов в серии приходится сталкиваться не только с тем, что археологи дают разную культурную атрибутику одних и тех же комплексов, но и с тем, что в одном могильнике и даже кургане-кладбище выделяют несколько катакомбных культур (вариантов) (табл. 1). В связи с этим приходится дробить материал на группы, а при плохой сохранности черепов сильно сокращать численность выборки, что затрудняет проведение полноценного исследования.

В этой связи можно привести пример материалов могильника эпохи средней бронзы Орешкин I. Сам автор раскопок А.Н. Дьяченко [18, с. 36] пишет о том, что для комплексов катакомбной КИО этого могильника характерно смешение обрядовых черт с проявлением признаков ряда катакомбных культур. В первую очередь автор выделяет комплексы предкавказской и среднедонской культур. В своей работе А.Т. Синюк и Ю.П. Матвеев [27, с. 31, 32] все комплексы могильника Орешкин I помещают в рамки среднедонской культуры. Так же как и автор раскопок, неоднозначно комплексы этого могильника определяют А.В. Кияшко [21] и М.Ю. Федосов [35]. По мнению последних, одну часть погребений могильника Орешкин I следует отнести к среднедонской культуре, а другую – к донецкой. Выше был продемонстрирован лишь один пример, но практически во всех могильниках катакомбной культуры аналогичная ситуация. Иногда в таких могильни-

ках археологи определяют не 2 и не 3 культуры катакомбного круга, а гораздо больше.

Тем не менее сравнительный анализ краниологических серий различных вариантов катакомбных культур дает очень сложную картину этногенетических связей, за небольшим исключением [9, с. 56]. Так, серии среднедонской и восточноманычской культур без деформации в среднем характеризуются одним и тем же типом и отличаются от других, относительно синхронных культур катакомбного круга. Почти все серии со следами деформации имеют похожие сочетания, что, возможно, связано еще и с формообразующим эффектом деформирующей конструкции. Что касается недеформированных серий остальных катакомбных культур, то волго-донской вариант имеет сходство с серией полтавкинской культуры и серией поздних «ямников».

Приведенные результаты исследований основаны на анализе суммарных серий по катакомбным культурам, а изучение серий из отдельно взятых могильников не представляется пока возможным, так как антропологам приходится многократно делить материал по вариантам катакомбных культур, по полу, наличию или отсутствию следов искусственной деформации и т. д. К тому же следует учитывать и плохую сохранность костного материала этого времени.

Анализируя материалы эпохи поздней бронзы, которая в нижневолжских могильниках представлена курганами-кладбищами, содержащими захоронения покровской и срубной культур, приходится отмечать аналогичную вышеописанной ситуацию. Судя по современным археологическим данным, покровская культура предшествовала срубной. При наличии в кургане погребений обеих культур наблюдаются интересные закономерности, связанные с тем, что более поздние погребения срубной культуры не нарушали более ранние, покровской культуры (рис. 1). Очень часто погребения покровской культуры занимают центральное место в кургане-кладбище, а вокруг него концентрируются погребения срубной культуры.

В связи с тем что антропологический материал эпохи бронзы очень плохой сохранности, нет возможности рассмотреть серии из отдельно взятых могильников обеих культур.

Сравнение же суммарных выборок покровской и срубной культур по t-критерию Стьюдента дает 16 признаков с достоверно значимыми различиями, которые относятся к абсолютным размерам черепа. При том что антропологический тип один и тот же – тип длинноголовых европеоидов, размеры больше в серии покровской культуры (табл. 2). Результаты исследования внутрigrупповой структуры методом главных компонент также демонстрируют эти различия (рис. 2), хотя если исходить из археологической концепции о более ранней дате погребений покровской культуры, то различия можно связать с посмертным отбором, то есть в покровской серии, как более древней, лучше сохраняются массивные черепа.

На данный момент остается неясным хронологическое соотношение этих двух культур, в том числе и основанное на радиоуглеродном датировании. Несмотря на то что имеющиеся даты, полученные из комплексов как ранней, так и поздней культуры, вроде бы свидетельствуют о временном разрыве, практически отсутствуют сведения, полученные из комплексов одного кургана-кладбища, где есть и покровские, и срубные погребения. Решение обозначенной проблемы требует дальнейшего исследования.

Основные выводы. Подводя итоги изложенного выше, необходимо отметить, что поднятая в статье проблема остается дискуссионной и предложить какие-либо рекомендации автор пока не берется.

Антрополог, изучая древние группы населения, должен обязательно принимать во внимание их популяционный и исторический критерий, учитывая не только биологические характеристики, связанные с различными видами изменчивости, но и широкий спектр факторов, определяющих эту изменчивость. Следует также принять во внимание, что и современный человек, и живший в древности и средневековье в течение всей своей жизни мог являться носителем различных культурных традиций и одновременно быть членом одной популяции. Особенно это характеризует время перемен, которое чаще всего приводит к смене культурных парадигм, связанных с общими тенденциями или с какими-либо историческими событиями. Различные миграци-

онные процессы также могут провоцировать культурные новации. К тому же каждый индивид в любой культуре является носителем этнических, социальных, религиозных и других признаков, что тоже может влиять на формирование его культурного комплекса и определенным образом отразиться в погребальном обряде и во временном диапазоне существования вещей, поэтому оказываются размытыми хронологические рамки предшествующей и последующей культур.

Как же поступать антропологам при оформлении выборок, с которыми они работают? Видимо, решение этого вопроса находится в компетенции каждого отдельно

взятого исследователя, и он должен исходить из конкретного материала, который изучает. Одно из решений этой проблемы видится в более тщательном изучении не только антропологических материалов отдельных взяток могильников, в которых выделяется несколько культур, особенно если численность позволяет это делать, но и археологического контекста. Дело в том, что культурная специфика передается из поколения в поколение благодаря многим социальным факторам, таким как: условия жизни, социальная среда, в которой воспитывался человек, и т. д., но не по законам биологической наследственности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Распределение погребений с чертами катакомбных культур по могильникам Нижнего Поволжья (культурные определения приводятся по А.В. Кияшко и др.)

Table 1. Distribution of burials with features of Catacomb cultures in the burial grounds of the Lower Volga region (cultural definitions are given by A.V. Kiyashko et al.)

Катакомбные культуры	Могильник			
	Старица	Орешкин I	Чограй I	Первомайский
Донецкая	2	1		2
Среднедонская		6		8
Раннедонская		1		
Восточноманычская			7	2
Позднеямная	5	1		4
Раннекатакомбная	2		3	
Северокавказская	1		3	
Волгодонская	4			
Полтавкинская	1			
Криволукская	1			

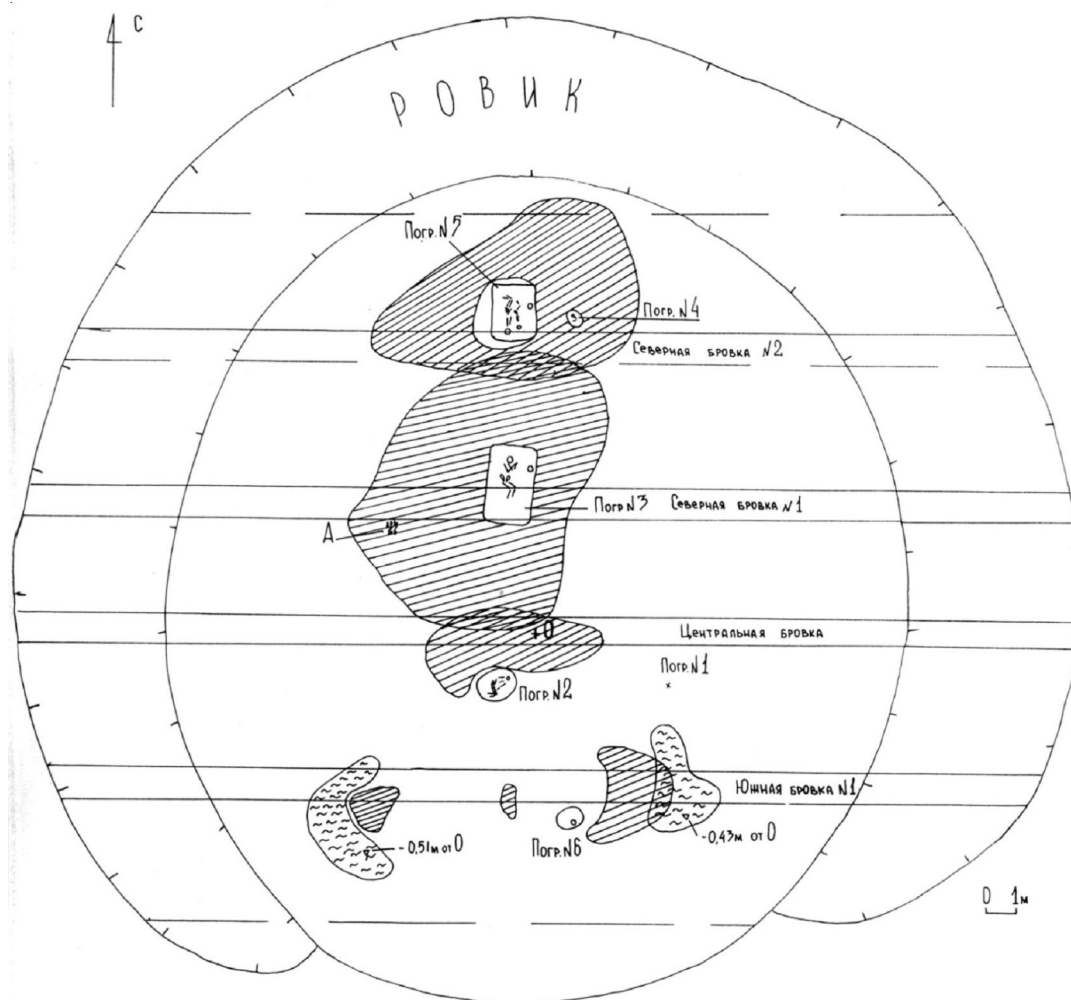

Рис. 1. План кургана 8 могильника Линево: погребение 3 покровской культуры; погребения 1, 2, 4, 6 срубной культуры

Fig. 1. Plan of the burial mound 8 of the Linevo burial ground: burial 3 is of the Pokrov culture; burials 1, 2, 4, 6 are of the Srubnaya culture

Таблица 2. Средние значения размеров и указателей мужских серий эпохи поздней бронзы

Table 2. Average values of sizes and indexes of male series from the Late Bronze Age

№ по Мартину и др.	Покровская культура	Срубная культура
1. Продольный диаметр	199,1	193
8. Поперечный диаметр	138,0	136,7
8:1. Черепной указатель	69,5	71,1
17. Высотный диаметр (ba-br)	144,2	137,8
ОРВ. Общеростовая величина	282,0	271
МЗ. Условный трансверсальный объем	2000,0	1777,6
45. Скуловой диаметр	137,6	133,3
48. Верхняя высота лица	75,8	72,6
75-1. Угол выступания носа	38,8	32,7

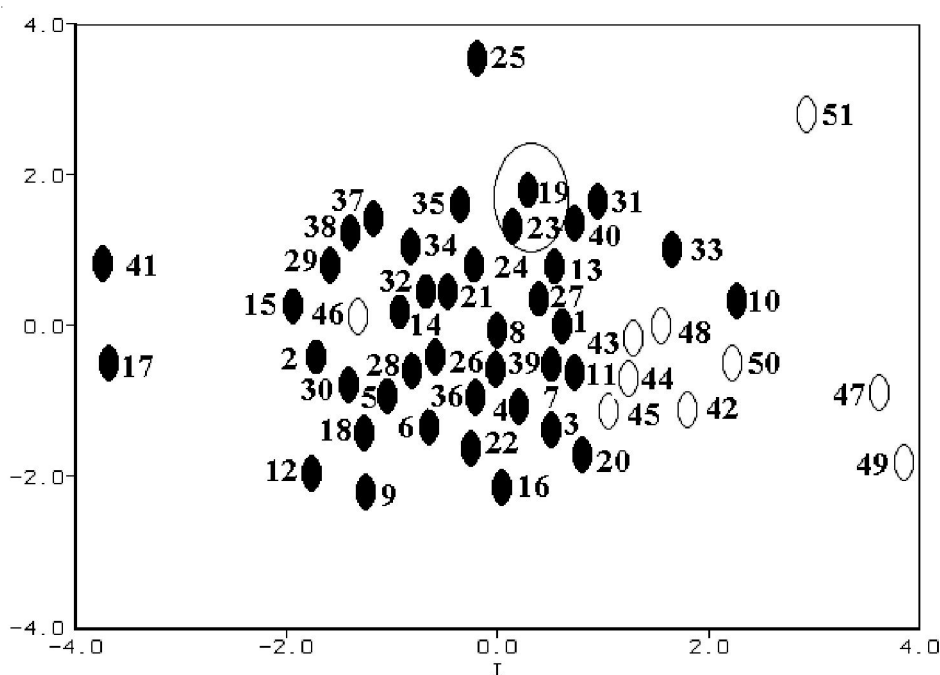

Рис. 2. Результаты внутригруппового анализа методом главных компонент с последующей обработкой матрицы внутригрупповых корреляций мужской серии эпохи бронзы методом неметрического многомерного шкалирования

Примечание: ● – черепа срубной культуры; ○ – черепа покровской культуры

Fig. 2. Results of intragroup analysis by the method of principal components with subsequent processing of the matrix of intragroup correlations of the male series of the Bronze Age by the method of non-metric multidimensional scaling

Note: ● – the skulls of the log culture; ○ – the skulls of the Pokrov culture

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 448 с.
2. Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниметрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
3. Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Проблема археологических критериев этнической специфики // Советская этнография. 1979. № 6. С. 79–89.
4. Балабанова М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
5. Балабанова М. А. К вопросу о преемственности населения сарматского времени Восточно-Европейских степей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 2. С. 25–39. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.2>
6. Балабанова М. А. Этногенетические связи ранних кочевников VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников Западного Казахстана, Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 3. С. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.4>
7. Балабанова М. А. Этногенетические связи населения среднесарматского времени восточно-европейских степей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 5. С. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.4>
8. Балабанова М. А. Культурные и морфологические характеристики мигрантов сарматского времени Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона // *Stratum plus*. 2020. № 4. С. 147–162.
9. Балабанова М. А. Культурная и морфологическая дифференциация населения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и сопредельных территорий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 4. С. 51–64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.3>
10. Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 272 с.
11. Балабанова М. А., Кривошеев М. В. Диагональные погребения как маркер преемственности в сарматских культурах в первые века нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. 2018. Т. 17, № 1. С. 50–75. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.3>
12. Балабанова М. А., Скрипкин А. С. О преемственности сарматских культур и населения (по материалам Калиновского курганного могильника) // Нижневолжский археологический вестник. 2018. Т. 17, № 1. С. 5–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.1>
13. Белых С. К. Этнос и археологические «этномаркеры» (полевые заметки) // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2013. Вып. 1. С. 100–105.
14. Ганжа А. И. Этнические реконструкции в советской археологии 40–60 гг. как историко-научная проблема // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев: Наукова думка, 1987. С. 118–158.
15. Генинг В. Ф. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1976. С. 3–35.
16. Дерябин В. Е. Многомерная биометрия для антропологов. М.: Изд-во МГУ, 1983. 227 с.
17. Добжанский В. Н. Локальный вариант – археологическая культура – культурно-историческая общность. Что дальше? // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1985. С. 116–122.
18. Дьяченко А. Н. Памятники катакомбной культуры на Медведице // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. С. 4–59.
19. Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н. э. // Проблемы истории и культуры сарматов / под ред. А. С. Скрипкина. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. С. 5–8.
20. Засецкая И. П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 16. Л.: Аврора, 1974. С. 105–121.
21. Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 268 с.
22. Клейн Л. С. Этногенез и археология. Т. 1: Теоретические исследования. СПб.: Евразия, 2013. 528 с.
23. Крадин Н. Н. Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2009. Вып. 5. С. 9–19.
24. Крадин Н. Н. Археология, этничность и национальные государства // Метод. 2010. № 1. С. 176–187.
25. Массон В. М. Исторические реконструкции в археологии. Самара: ТОО, 1996. 101 с.

26. Мосин В. С. Реальность выделения социумов в археологии каменного века // Этничность в археологии или археология этничности? / отв. ред.: В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 6–27.

27. Синюк А. Т., Матвеев Ю. П. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). Воронеж: ВГПУ, 2007. 220 с.

28. Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 17–40.

29. Скрипкин А. С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматских культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения / отв. ред. В. М. Клепиков. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. С. 5–36. (Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов; вып. I).

30. Смирнов К. Ф. О погребениях роксолан // Вестник древней истории. 1948. № 1. С. 213–219.

31. Смирнов К. Ф. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Материалы и исследования по археологии. № 60. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 206–322.

32. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.

33. Таиров А. Д. Ранние кочевники Урало-Казхстанских степей в VII–II веках до н. э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 54 с.

34. Томилов Н. А. Междотраслевые исследования в научной серии «Этнографоархеологические комплексы: проблемы культуры и социума» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 195–202.

35. Федосов М. Ю. Катакомбные культуры Донецко-Дона-Волжского региона (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 22 с.

36. Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // Материалы и исследования по археологии. № 60. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 323–523.

37. Шнирельман В. А. Этничность в археологии – реальность или фантом? // Этничность в археологии или археология этничности? / отв. ред.: В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 50–74.

38. Этничность в археологии или археология этничности? / отв. ред.: В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. 136 с.

39. Яблонский Л. Т. Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний // Этничность в археологии или археология этничности? / отв. ред.: В. С. Мосин, Л. Т. Яблонский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 34–48.

REFERENCES

1. Alekseev V.P. *Istoricheskaya antropologiya i etnogenez* [Historical Anthropology and Ethnic Genesis]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 448 p.

2. Alekseev V.P., Debec G.F. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Technique of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 127 p.

3. Arutyunov S.A., Khazanov A.M. Problema arkheologicheskikh kriteriev etnicheskoy spetsifiki [Issue of Archaeological Criteria of Ethnical Particularity]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1979, no. 6, pp. 79–89.

4. Balabanova M.A. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priuralya i Nizhnego Povolzhya. Ranniy zheleznyy vek* [Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 133 p.

5. Balabanova M.A. K voprosu o preemstvennosti naseleniya sarmatskogo vremeni Vostochno-Evropejskikh stepej [On the Succession of Sarmatian Population in the East-European Steppes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 2, pp. 25–39. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.2>

6. Balabanova M.A. Etnogeneticheskie svyazi rannikh kochevnikov VI–I vv. do n. e. (po materialam mogilnikov Zapadnogo Kazakhstana, Yuzhnogo Priuralya, Nizhnego Povolzhya i Nizhnego Dona) [Ethnogenetic Connections of Early Nomads in the 6th – 1st CC. BC (Based on the Materials of Burial Mounds of Western Kazakhstan, the Southern Cisurals, the Lower Volga Region and the Lower Don Region)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 3, pp. 37–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.4>

7. Balabanova M.A. Etnogeneticheskie svyazi naseleniya srednesarmatskogo vremeni vostochno-evropejskikh stepey [Ethnogenetic Relations Between the Population of the Middle Sarmatian Time in the Eastern European Steppes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 5, pp. 51–66. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.4>

8. Balabanova M.A. Kulturnye i morfologicheskie harakteristiki migrantov sarmatskogo vremeni

Juzhnogo Priuralja, Nizhnego Povolzhja i Nizhnego Dona [Cultural and Morphological Features of the Migrating Sarmatian Population from the Southern Urals, the Lower Volga and the Lower Don Regions]. *Stratum plus*, 2020, no. 4, pp. 147-162.

9. Balabanova M.A. Kulturnaja i morfolozičeskaja differenciacija naselenija epohi srednej bronzy Nizhnego Povolzhja i sopredelnyh territorij [Cultural and Morphological Differentiation of the Population of the Middle Bronze Age in the Lower Volga Region and Adjacent Territories]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Meždunarodnye otnošenija* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 4, pp. 51-64. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.3>

10. Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A., Krivosheev M.V., Pererva E.V., Skripkin A.S. *Polovozrastnaja struktura sarmatskogo naselenija Nizhnego Povolzhja: pogrebalnaja obrjadnost i antropologija* [Sex and Age Structure of the Sarmatian Population of the Lower Volga: Funerary Rite and Physical Anthropology]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. fil. FGBOU VORANKhiGS, 2015. 272 p.

11. Balabanova M.A., Krivosheev M.V. Diagonalnye pogrebenija kak marker preemstvennosti v sarmatskih kulturah v pervye veka nashej ery [Diagonal Burials as a Marker of Succession of Sarmatian Cultures in the First Centuries AD]. *Nizhnevolzhskij arheologičeskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 50-75. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.3>

12. Balabanova M.A., Skripkin A.S. O preemstvennosti sarmatskikh kultur i naselenija (po materialam Kalinovskogo kurgannogo mogilnika) [On the Succession of Sarmatian Cultures and Population (Based on the Materials of the Kalinovsky Burial Mound)]. *Nizhnevolzhskij arheologičeskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 5-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.1.1>

13. Belykh S.K. Etnos i arheologičeskie «etnomarkery» (polemičeskie zametki) [Ethnos and “Ethnic Markers” (Polemic Notes)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University]. Izhevsk, 2013, iss. 1, pp. 100-105.

14. Ganzha A.I. Etničeskie rekonstruktsii v sovetskoy arheologii 40–60 gg. kak istoriko-naučnaya problema [Ethnic Reconstruction in Soviet Archeology During the 40–60 Years as a Historical and Scientific Issue]. *Issledovanie sotsialno-istoričeskikh problem v arheologii* [Research in Socio-Historical Issues on Archaeology]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1987, pp. 118-158.

15. Gening V.F. Problema sootnošenija arheologičeskoy kultury i etnosa [Issue on Correlation of Archaeological Culture and Ethnicity]. *Voprosy etnografii Udmurtii* [Issues on Udmurtia Ethnography]. Izhevsk, Udmurt. kn. izd-vo, 1976, pp. 3-35.

16. Deryabin V.E. *Mnogomernaya biometrija dlya antropologov* [Multidimensional Biometrics for Anthropologists]. Moscow, Izd-vo MGU, 1983. 227 p.

17. Dobzhansky V.N. Lokalnyj variant – arheologičeskaja kultura – kulturno-istoričeskaja obshhnost. Chto dalshe? [Local Variant – Archaeological Culture – Cultural and Historical Community. What’s Next?] *Arheologija Juzhnoj Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Kemerovo, KemGU, 1985, pp. 116-122.

18. Djachenko A.N. Pamjatniki katakombnoj kultury na Medvedice [Monuments of Catacomb Culture on the Medveditsa River]. *Istoriko-arheologičeskie issledovanija v Nizhnem Povolzhje. Vyp. 2* [Historical and Archaeological Research in the Lower Volga Region. Iss. 2]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1997, pp. 4-59.

19. Zhelezchikov B.F., Pshenichnjuk A.H. Plemena Juzhnogo Priuralja v VI–III vv. do n.e. [Tribes of the Southern Urals in the 6th – 3rd Centuries BC]. Skripkin A.S., ed. *Problemy istorii i kultury sarmatov* [Problems of History and Culture of the Sarmatians]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1994, pp. 5-8.

20. Zaseckaja I.P. «Diagonalnye» pogrebenija Nizhnego Povolzhja i problema opredelenija ih etničeskoy prinadležnosti [“Diagonal” Burials of the Lower Volga Region and the Problem of Determining Their Ethnicity]. *Arheologičeskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. Vyp. 16* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum. Iss. 16]. Leningrad, Avrora Publ., 1974, pp. 105-121.

21. Kiyashko A.V. *Kulturogenез na vostoке katakombnogo mira* [Cultural Genesis in the East of the Catacomb World]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2002. 268 p.

22. Klyen L.S. *Etnogenез i arheologija. T. 1: Teoretičeskie issledovanija* [Ethno-Genesis and Archeology. Vol. 1: Theoretical Research]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2013. 528 p.

23. Kradin N.N. Arheologičeskie kultury i etničeskie obshchnosti [Archaeological Cultures and Ethnic Communities]. Tishkin A.A., ed. *Teoriya i praktika arheologičeskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archeological Research]. Barnaul, Azbuka Publ., 2009, iss. 5, pp. 9-19.

24. Kradin N.N. Arheologija, etničnost i donacionalnye gosudarstva [Archeology, Ethnicity and Pre-National States]. *Metod* [Method], 2010, no. 1, pp. 176-187.

25. Masson V.M. *Istoricheskie rekonstrukcii v arheologii* [Historical Reconstructions in Archeology]. Samara, TOR Publ., 1996. 101 p.

26. Mosin V.S. Realnost vydelenija sociumov v arheologii kamennogo veka [The Reality of the Allocation of Societies in the Archeology of the Stone Age]. Mosin V.S., Yablonsky L.T., eds. *Etnichnost v arheologii ili arheologija etnichnosti?* [Ethnicity in Archeology or the Archeology of Ethnicity?]. Chelyabinsk, Rifey Publ., 2013, pp. 6-27.

27. Sinjuk A.T., Matveev Ju.P. *Srednedonskaja katakombnaja kultura epohi bronzy (po dannym kurgannyh kompleksov)* [Srednedonskaya Catacomb Culture of the Bronze Age (According to The Kurgan Complexes)]. Voronezh, VGPU, 2007. 220 p.

28. Skripkin A.S. Novye aspekty v izuchenii istorii materialnoj kultury sarmatov [New Aspects in the Study of the History of Material Culture of the Sarmatians]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2000, iss. 3, pp. 17-40.

29. Skripkin A.S. K probleme sootnoshenija rannei srednesarmatskikh kultur [On the Problem of Correlation of Early and Middle Armenian Cultures]. Klepikov V.M., ed. *Rannesarmatskaja i srednesarmatskaja kultury: problemy sootnoshenija* [Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures: Problems of Correlation]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, 2006, pp. 5-36. (Materialy seminaru Tsentra izucheniya istorii i kultury sarmatov [Materials of the Seminar of the Center for the Study of the History and Culture of the Sarmatians], iss. 1).

30. Smirnov K.F. O pogrebenijah roksolan [About the Burials of Roxolani]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History], 1948, no. 1, pp. 213-219.

31. Smirnov K.F. Kurgany u s. Ilovatka i Politotdelskoe Stalingradskoj oblasti [Burial Mounds near the Ilovatka and Politotdelskoe Villages in the Stalingrad Region]. *Materialy i issledovanie po arheologii. № 60* [Materials and Research on Archaeology. No. 60]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, pp. 206-322.

32. Smirnov K.F. *Sarmaty na Ilike* [Sarmatians on Ilek]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 176 p.

33. Tairov A.D. *Rannie kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII–II vekakh do n. e.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Early Nomads of the Ural-Kazakhstan Steppes in the 7th – 2nd CC. BC. Dr. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 2005. 54 p.

34. Tomilov N.A. Mezhotraslevye issledovanija v nauchnoj serii «Etnografoarheologicheskie komplekxy: problemy kultury i sociuma» [Intersectoral Research in The Scientific Series “Ethnographoarchaeological Complexes: Problems of Culture and Society”]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki»* [Bulletin of Omsk University. The Series “Historical Sciences”], 2016, no. 4 (12), pp. 195-202.

35. Fedosov M. Yu. *Katakombnye kultury Donetsko-Dono-Volzhskogo regiona (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Catacomb Cultures of the Donetsk-Don-Volga Region (Based on Materials from Funerary Monuments). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2012. 22 p.

36. Shilov V.P. Kalinovskij kurgannyj mogilnik [Kalinovsky Kurgan Burial Ground]. *Materialy i issledovanie po arheologii. № 60* [Materials and Research on Archaeology. No. 60]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, pp. 323-523.

37. Shnirelman V.A. Etnichnost v arheologii – realnost ili fantom? [Ethnicity in Archaeology – Reality or a Phantom?]. Mosin V.S., Yablonsky L.T., eds. *Etnichnost v arheologii ili arheologija etnichnosti?* [Ethnicity in Archaeology or the Archeology of Ethnicity?]. Chelyabinsk, Rifey Publ., 2013, pp. 50-74.

38. Mosin V.S., Yablonsky L.T., eds. *Etnichnost v arheologii ili arheologija etnichnosti?* [Ethnicity in Archaeology or the Archeology of Ethnicity?]. Chelyabinsk, Rifey Publ., 2013. 136 p.

39. Yablonsky L.T. Problemy koncepcii etnogenez na sovremennom etape razvitiya gumanitarnyh znaniy [Problems of the Concept of Ethnogenesis at the Present Stage of the Development of Humanitarian Knowledge]. Mosin V.S., Yablonsky L.T., eds. *Etnichnost v arheologii ili arheologija etnichnosti?* [Ethnicity in Archaeology or the Archeology of Ethnicity?]. Chelyabinsk, Rifey Publ., 2013, pp. 34-48.

Information About the Author

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Информация об авторе

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>